

Великая Отечественная война и советское китаеведение

© 2015

В. Дацьшен

В начале Великой Отечественной войны большинство советских ученых пошли в армию или были эвакуированы из Ленинграда и Москвы в глубь Советского Союза. Во время войны все советские востоковеды продолжали заниматься научно-практической и научно-исследовательской работой, в Москве, в советском тылу и на территории Китая продолжалась подготовка русских китаеведов. В 1944 г. деятельность учебных и научных учреждений в Москве и Ленинграде была полностью восстановлена. Советское китаеведение продолжило свое успешное развитие.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советское китаеведение, блокада Ленинграда, российские востоковеды в 1939–1945 гг., трагедия и научный подвиг русских китаеведов.

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. стала тяжелейшим испытанием для России и всех республик Советского Союза. Исторический опыт российского китаеведения в трагические и славные годы испытаний вражеского нашествия интересен и важен не только для отечественной науки, но и для всей нашей страны.

Российская наука ощутила влияние войны еще до начала вторжения германских войск. В 1937 г. началась японо-китайская война, в 1938–1939 гг. произошли советско-японские военные конфликты на Дальнем Востоке. Осенью 1939 г. началась мировая война в Европе и советско-финская война. В конце 1930-х гг. все советское общество стало жить в военно-мобилизационных условиях. Сохранившиеся после репрессий китаеведческие ресурсы перераспределялись в пользу военного и внешнеполитических ведомств, и не только в Москве и Ленинграде. Например, в 1939 г. в «прифронтовом» Владивостоке было ликвидировано университетское и академическое востоковедение. В «Проекте положения о порядке расформирования восточного факультета ДВГУ» говорилось: «1. Считать целесообразным по особому отбору перевод студентов, окончивших I и II курсы востфака ДВГУ, для продолжения образования на II-х и III-х курсах военного отделения. 2. Студентов, окончивших III и IV курсы востфака, использовать на практической работе по языку в качестве переводчиков... 4. Преподавателей восточного факульте-

та использовать для преподавательской работы на военном отделении. 5. Преподавателей, которые не могут быть использованы на военном отделении, отчислить...»¹. Студентов-китаистов в Ленинграде и Москве забирали из университетов и отправляли на ответственные должности в наркоматах. Ярким примером тому является хорошо известная биография академика С.Л. Тихвинского.

Судьбы некоторых китаеведов напрямую затронули уже военные события 1939–1940 гг. Летом 1939 г. в Читу направили аспиранта Н.Т. Федоренко. В июле 1939 г. он писал своему научному руководителю В.М. Алексееву: «События на маньчжуро-монгольской границе разыгрались совсем не к стати... С какой надеждой я жду возможности возвратиться в Москву для продолжения работы над диссертацией»². Но командировка затянулась, синолог принял участие в боевых действиях и после тяжелого ранения несколько месяцев находился в армейском госпитале. Китаист Г.В. Астафьев осенью 1939 г. в составе Красной Армии участвовал в походе в Западную Белоруссию. Советско-финская война 1939–1940 гг. проходила вообще «у стен» Ленинграда, где в то время жили и работали большинство советских сиологов. Ленинградский китаист Н.А. Петров с сентября 1939 г. по август 1940 г. был политруком 315-го Отдельного танкового батальона 24-й стрелковой дивизии, в составе которой и принимал участие в войне с Финляндией на Карельском перешейке. Китаист В.Н. Кривцов 1 декабря 1939 г. был «исключен из списков сотрудников Института как призванный в ряды РККА»³.

22 июня 1941 г. немецко-фашистские войска совместно с силами сателлитов перешли границу и вскоре подошли к Ленинграду и Москве. Советские востоковеды с первых дней войны встали на защиту своей Родины, только в Институте востоковедения в Ленинграде были призваны в действующую армию 16 человек, а 50 человек вступили в народное ополчение. В 1941 г. на фронт ушли из Ленинграда и Москвы и такие уже известные китаисты, как С.Г. Кара-Мурза или Л.И. Думан, и только начинавшие свой путь в науку китаеведы, как М.Ф. Юрьев⁴. 26 июня 1941 г. из Института востоковедения был призван в армию только что закончивший аспирантуру и получивший в марте ученую степень кандидата филологический наук А.П. Конаков. В Красной Армии воевали даже репрессированные отлученные от науки востоковеды — Н.Н. Ветюков, Э.Р. Рыгдылон и др. Некоторые востоковеды были освобождены из тюрьмы в дни, когда немцы подходили к Москве, как, например, Н.И. Конрад.

Многие китаисты (С.Г. Кара-Мурза, В.С. Колоколов и др.) сначала попали на германский фронт, но затем были переведены на Восток, в район будущих военных действий с Японией. Например, Л.И. Думан в июле 1941 г. вступил в народное ополчение, а в августе 1941 г. был переведен на Дальний Восток. Китаист Н.А. Петров также был направлен на Восток, как и большинство призванных китаистов; в августе-сентябре 1945 г. он воевал с Японией в Северо-восточном Китае. Некоторые китаеведы оставались в действующей армии после окончания Великой Отечественной войны и капитуляции Японии. В.М. Алексеев писал весной 1946 г. С.Л. Тихвинскому: «Думану, Кривцову, Монзелеру и Юстову отказано в возвращении к своим обязанностям с Дальнего Востока»⁵. С.Г. Кара-Мурза погиб в августе 1945 г. при выполнении служебного задания в Маньчжурии⁶.

В августе 1941 г. линия фронта подошла к городу на Неве, началась подготовка эвакуации востоковедов из Ленинграда – сначала в Томск. Вскоре академиков и членов-корреспондентов вывезли на один из курортов Казахстана, в Боровое. Академик В.М. Алексеев с женой и двумя дочерьми согласился выехать из осажденного Ленинграда лишь в ноябре 1941 г., его единственный сын в это время был на фронте. 11 ноября 1941 г. семья Алексеевых вылетела на самолете из Ленинграда в Новгородскую область и в Вологду, далее они через Свердловск были доставлены в поселок Боровое. Китаевед В.М. Штейн в начале войны переехал вместе с Военным институтом иностранных языков в Ставрополь, а затем в Саратов. В начале февраля 1942 г. из Ленинграда выехали в

эвакуацию китаеведы А.А. Драгунов и З.И. Горбачева. Всего в феврале-марте 1942 г. по льду в советский тыл вывезли два десятка человек известных ученых. Последнюю группу востоковедов из Ленинграда эвакуировали в июле 1942 г. Кто-то попал в Ташкент, Г.Ф. Смыкалов был вывезен в Казань, О.Л. Фишман эвакуировалась в Саратов, Н.В. Кюнер с 1942 по 1944 гг. работал в Алма-Ате. Научный сотрудник ИВ АН Б.И. Панкратов был направлен на работу в Китай, 12 июня 1942 г. И.Ю. Крачковский сообщил В.М. Алексееву: «Из ИВАН-овских в последнее время вытребован на работу в Н.К. Ин. Дел Панкратов, и по аналогичной линии — Иваненко»⁷.

Из Москвы так же многие ученые были эвакуированы. Например, в составе коллектива МГУ в Ашхабад выехал доцент Г.Б. Эренбург. В Фергане в эвакуации находились Л.З. Эйдлин и Н.В. Конрад, затем Л.З. Эйдлин преподавал в Ставрополе. Некоторые китаеведы в годы войны работали в Сибири. Научный сотрудник ИВ АН В.М. Аникеев находился в Чите. Китаист из Владивостока А.В. Маракуев еще перед войной оказался в Томске. Известного востоковеда Н.Н. Поппе война застала в командировке в Калмыкии, он не смог эвакуироваться, оказался в оккупации и пошел на сотрудничество с немцами.

Даже в первые месяцы блокады Ленинград оставался центром советского китаеведения. Работа продолжалась и после самой трагической для блокадников зимы 1941–1942 гг., когда большинство оставшихся в городе востоковедов умерли. Позднее коллеги писали о мужестве и трагедии ученых: «Талантливый китаист-историк В.Н. Казин... был, по мнению своего учителя академика Василия Михайловича Алексеева, лучшим в мировой науке наших дней знатоком китайских исторических текстов... завершена и опубликована им была лишь ничтожная часть того, что он мог и хотел сказать. Именно это больше всего мучило его, когда, истощенный, еле двигаясь и чувствуя близкую гибель, он еще пытался продолжать свою любимую работу в бомбоубежище Эрмитажа»⁸. В апреле 1942 г. И.Ю. Крачковский писал из Ленинграда: «Было вчера первое заседание Объединенного Ученого совета институтов отделений истории, языка и литературы; организовали его главным образом потому, что в советах отдельных институтов осталось слишком мало утвержденных Президиумом членов и никакого кворума для защиты диссертаций не оказывается... Властью комиссии Президиума включили в него кое-кого из людей почтенных: И.И. Толстого... Смыкалова (как старшего китаиста)... Думаем, между прочим, поднять вопрос о публичных лекциях и занятиях семинарских вольного типа»⁹.

Голод, болезни, постоянные обстрелы и бомбежки унесли жизни большинства оставшихся в блокадном Ленинграде ученых. В сентябре-октябре 1941 г. в Ленинграде погибли талантливый исследователь-энтузиаст В.П. Таранович и глава школы советских маньчжуроведов А.В. Гребенщиков. Наступившая вскоре зима стала последней в жизни целой плеяды российских синологов. 1 января 1942 г. замерз по дороге домой лингвист и этнолог Ю.В. Бунаков. Затем погиб научный сотрудник ИВ РАН, специалист по искусству Китая К.И. Разумовский. Не пережила первой блокадной зимы аспирантка ИВ АН китаист-лингвист Е.Н. Медовая. В письме И.Ю. Крачковского к В.М. Алексееву от 6 февраля 1942 г. говорилось: «В Институте востоковедения убыль сильно коснулась китайского кабинета: умерли Рудов, Флуг, Бунаков, Медовая и, по слухам, Разумовский»¹⁰. В том же 1942 г. закончил свой жизненный путь первый советский профессор-китаевед А.А. Иванов (Ивин). Война нанесла тяжелейший удар по всему ленинградскому востоковедению. Потери Института востоковедения АН СССР были велики, и до сих пор имеются разные данные. Одни исследователи указывают: «В боях и блокаде погибло 37 сотрудников института»¹¹. Сами сотрудники института сегодня пишут: «Многие востоковеды не покинули Ленинград и продолжали здесь свои научные занятия... 43 сотрудника Института — более трети научного состава — погибли на фронтах Великой Отечественной войны и умерли в Ленинграде в годы блокады»¹². Позднее, в июне 1944 г., В.М. Алексеев, говоря о восстановлении в Ленинграде университетского китаеведения, писал: «Без лучших,

Флуга, Казина, Разумовского, строить что-либо приличное почти невозможно. Однако надо как-нибудь жить...»¹³.

С гибелью синологов на долгие годы были прерваны исследования по тем направлениям, что они вели. Исследователи писали: «В 1942 г. в блокадном Ленинграде погиб В.Н. Казин, и возобновить начатую им работу (над Китаеведческой коллекцией К.А. Скачкова. — *В.Д.*) удалось только спустя два десятилетия»¹⁴. Л.Н. Меньшиков писал: «К.К. Флуг включил в свои работы сведения о целом ряде сочинений из Хара-хото на китайском языке... однако смерть его в блокадном Ленинграде прервала эту работу»¹⁵. Во время блокады Ленинграда были утрачены некоторые Китаеведческие коллекции. Например, была похищена часть архива Н.И. Конрада. Вместе с личными вещами В.М. Алексеева во время эвакуации из квартиры исчезли рукописи лекций и научных работ. В блокадном Ленинграде погибла незаконченная рукопись диссертации «лучшего в мировой науке знатока китайских исторических текстов» В.Н. Казина. Война помешала изданию уже почти готовой «Всемирной истории», где были главы по истории Китая, подготовленные советскими Китаеведами. Весь тираж только что изданного второго тома «Новой истории колониальных и зависимых стран» был уничтожен. Вообще, Вторая мировая война нанесла урон всему мировому Китаеведению, например, в Бухенвальде погиб профессор Коллеж де Франс А. Масперо, но советские потери были просто беспрецедентны, и сравнимы они лишь с потерями, понесенными наукой во время политических репрессий в своей же стране в 1930-е годы.

Выехавшие в эвакуацию Китаеведы не прекратили своих исследований. Первоначально возможности их были ограничены. Например, академик В.М. Алексеев вывез из Ленинграда всего один словарь и две антологии китайской литературы, так как лимит багажа при эвакуации составлял 10 кг. Весной 1942 г. синолог писал: «Пишу здесь бесконечные переводы, не имея возможности ни о чем справиться: у меня с собою только одна книга плюс словарь!... я закончу (в первом этапе и без комментария, для которого нет ни справочников, ни бумаги) «Мастеров китайской художественной прозы в худ-ом переводе». После первого концентрического круга в 67 произведений я в апреле и мае прибавлю еще столько же и далее — до 200. Весь мой план на этот год я выполняю — если будет бумага»¹⁶. На сохранившихся рукописях переводов из «Гу-вэнь гуань-чжи» стоит дата «15/VII — 6/VIII — 1942 г.». Таким образом, в тяжелейшем для науки и всей страны 1942 г. академик В.М. Алексеев, несмотря на отсутствие словарей, завершил работу над переводом трех «образцовых эссе» китайского философа Ван Янмина: «Надпись на храме в честь Сяна», «Надпись у Зала культа классиков-канонов» и «Обращение к похороненным путникам»¹⁷. В начале 1943 г. В.М. Алексеев привез из Свердловска книги для работы, а в мае в Боровое прибыли книги из его ленинградской библиотеки. Как писал сам синолог: «транспорт книг меня обеспечивает работой как переводчика, полукомментатора и полуученого, профессора китайского языка...»¹⁸. Исследователь К. Харбсмайер отметил, что в 1941–1944 гг. В.М. Алексеев «в исключительно тяжелых условиях эвакуации в Боровом (Северный Казахстан)» работал над «двухтомной антологией переводов из шедевров китайской прозы, а также тремя внушительными томами соответствующих исследований»¹⁹. Здесь необходимо отметить, что даже в тяжелейших условиях войны советское правительство продолжало закупки в Китае книг для научной работы В.М. Алексеева. Кроме того, в 1944 г. В.М. Алексеев направлял свои рецензии на китайские работы в Известия АН.

Примером плодотворной работы русских синологов в годы Великой Отечественной войны был А.В. Маракуев. В Томске он перевел на русский язык фундаментальное даосское сочинение «Хуан-ди Инь фу цзин» («Книга о единении сокрытого, написанная Хуан-ди»). Сам А.В. Маракуев написал: «Ни в дореволюционной русской, ни в советской литературе Иньфу-цзин ни разу не только не переводился, но и не упоминался. Перевод его на русский язык появляется впервые; он выполнен нами в первый год Великой Оте-

чественной войны — в 1941 году... Томск, 31 декабря 1944 года»²⁰. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны синолог перевел и всесторонне исследовал один из важнейших памятников китайской культуры.

В годы войны А.В. Маракуев выполнил еще несколько крупных проектов. В «Отчете руководства ТГПИ о научно-исследовательской работе, проделанной в 1944 году» говорилось: «К числу лучших работ следует отнести:... Докторскую диссертацию доцента Маракуева А.В. «География Китая»»²¹. В характеристике на доцента Томского педагогического Института А.В. Маракуева говорилось: «Вместе с педагогической работой тов. Маракуев ведет крупную научно-исследовательскую работу... Во время Великой Отечественной войны тов. Маракуев закончил более двух десятков научных работ...»²². В 1945 г. русский синолог написал: «Я горжусь тем, что написал свой нелегкий труд в дни Великой Отечественной войны, когда два моих сына — офицеры Красной армии (одного из них уже нет в живых) отстаивали свободу и независимость мировой цивилизации от коричневых орд фашистской Германии. «География Китая» будет моим подарком Отечеству и дружественному Китаю в дни окончания войны, и на Западе и на Востоке»²³.

Находившиеся в эвакуации китаеведы успешно разрабатывали проблемы, связанные с историей регионов их пребывания. Историк Н.В. Кюннер жил в Алма-Ате, и в 1945 г. он завершил работу над «Библиографией китайской и маньчжурской литературы о народах Казахстана». Кроме того, 1943 г. датирован сохранившийся в архиве его «Перевод писем местных владетелей Центральной Азии китайскому двору», 1944 г. датирован оставшийся не изданным «Китайско-корейско-японский этнографический словарь» в 2000 карточек, а 1945 г. — «Библиография китайской и маньчжурской литературы о народах Казахстана» и «Маньчжурские архивные документы по истории казахского народа»²⁴. А.В. Маракуев исследовал китайские исторические памятники в Сибири²⁵.

Не являлась препятствием к научной работе китаеведов и их служба в армии. Ученики С.Г. Кара-Мурзы написали: «И в армии, находясь за тысячи километров от Москвы, он жил как бы в двух измерениях... он не переставал ощущать себя профессором Московского университета, научным сотрудником Академии наук, обеспокоенным будущим советского востоковедения... Служа в политуправлении Забайкальского фронта... написал крупную работу, названную им «"Новый порядок" в Маньчжурии». 18 выпусков этого труда (от 24 до 106 страниц в каждом) были изданы в Чите с июля по декабрь 1944 г.»²⁶. Это свое исследование Г.С. Кара-Мурза планировал защитить после окончания войны в качестве докторской диссертации. Г.В. Астафьев в 1944 г. в чине капитана Советской армии и в военном мундире прибыл в Ташкент и защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук по теме «Синьцзян. Политико-экономический очерк». В 1945 г., все еще находясь в рядах Советской армии, он подготовил труд «Казахи Джунгарии»²⁷.

Активно занимались научной деятельностью и служившие в Китае русские синологи. В одном из писем молодого китаеведа-дипломата Н.Т. Федоренко к В.М. Алексею говорилось: «Мне удалось наладить постоянные научные связи с такими деятелями Китая, как Го Мо-жо, Мао Дунь, Лао Шэ, Ся Янь, Сюй Бэй-хун, Цзян Бо-цзань, Хоу Вай-лу и многими другими литераторами, историками и учеными»²⁸. И далее в своем письме молодой китаевед перечисляет десятки последних китайских публикаций, дает их краткий анализ, например: «Недавно вышел в свет первый том краткой истории Китая нового, но чрезвычайно талантливого историка Цзянь Бо-цзяня под названием «Чжунго шиган» («Курс истории Китая»). Автор — сторонник исторического материализма, один из прогрессивных деятелей современного Китая. Он задумал выпустить восьмитомник. Первый том (Ди и цзюань — на 408 страницах с иллюстрациями и картами) посвящен доиньскому, иньскому и чжоускому периодам. Это, пожалуй, одна из лучших работ по истории Китая, написанная историком-материалистом...»²⁹.

Во время войны была налажена подготовка советских китаеведов на территории Китая. С.Л. Тихвинский вспоминает: «Управление кадров НКВД отобрало из различных вузов гуманитарного профиля, эвакуированных в годы войны в республики Средней Азии, 15 студентов выпускных курсов и направило их с семьями в Чунцин для изучения китайского языка и дипломатической стажировки при посольстве. Многие из числа этих курсантов впоследствии стали известными советскими дипломатами и учеными-востоковедами, среди них М.С. Капица, К.А. Крутиков, И.Г. Калабухов, А.Ф. Малухин, Н.Г. Сенин, А.С. Титов и др. Старшим преподавателем китайского языка на эти курсы из Москвы был направлен талантливый педагог Б.С. Исаенко... Ему помогал уже немолодой профессор Б.И. Панкратов... К работе на курсах при посольстве были привлечены и местные китайские преподаватели. Среди них выделялся профессор Цао Цзинхуа...»³⁰.

Советские синологи в годы войны принимали участие в общественно-пропагандистской работе. 24 июня 1943 г. В.М. Алексеев писал из Борового: «На днях сделал доклад здесь, в общем собрании (воскресном) «Китай и агрессоры», пользуясь материалом переводов»³¹. А.В. Маракуев в автобиографии написал: «В период Великой Отечественной войны состоял лектором в лекторском бюро Томского Горкома ВКП(б)... В течение многих лет работал на различного рода курсах по подготовке и переподготовке учителей, во Владивостокском и Томском областных институтах усовершенствования учителей, а также читал несколько лет политическую географию мира в партийной школе Кировского райкома ВКП(б)». В характеристике из Томского педагогического института говорилось: «А.В. Маракуев активно участвует в общественной работе, сотрудничает в местной печати и в годы войны в газете «Красное Знамя» /Томск/ появился ряд его военно-географических очерков, с выполненными им картами отдельных дальне-восточных театров военных действий... одно время он состоял в лекторском бюро Горкома ВКП(б)/. Много лекций им было прочитано в госпиталях для раненых бойцов и офицеров РККА»³².

После того как угроза осады Москвы была снята, в советской столице вновь активизировалась работа китаеведов. С.Л. Тихвинский вспоминает: «От подготовки к сдаче «кандидатского минимума» отвлекали и чисто материальные заботы. Как и мои коллеги-китаисты Дальневосточного отдела Наркоминдела В.В. Васьков, Н.Т. Федоренко и ряд китаистов — преподавателей московских вузов, я с признательностью принял предложение известного исследователя и пропагандиста китайской литературы В.Н. Рогова, долгие годы работавшего корреспондентом ТАСС в Китае, и заведующей редакцией стран Востока издательства «Художественная литература» А. Мингулиной перевести за приличный по тем временам гонорар для редактировавшихся ими сборников «Китайские рассказы» и «Избранное Лу Синя» несколько небольших вещей. Летом 1944 г. в разгар Великой Отечественной войны 10-тысячным тиражом был издан сборник рассказов современных китайских писателей с предисловием и примечаниями В.Н. Рогова. Сборник знакомил советскую общественность с творчеством современных китайских писателей Мао Дуня, Лао Шэ, Чжан Тяньи, Яо Сюэиня и др... В 1945 г. то же издательство таким же тиражом выпустило сборник рассказов, статей и писем Лу Синя — «Избранное». В этом сборнике был опубликован мой перевод рассказа Лу Синя «В кабачке»...»³³.

Во время Великой Отечественной войны продолжалась подготовка студентов и аспирантов. В Москве и многих других городах преподавался китайский язык. Особое внимание уделялось подготовке военных переводчиков. Советские китаеведы в 1942 г. в Военном институте иностранных языков издали «Военную хрестоматию по китайскому языку»³⁴, не прекращалась работа и над словарями³⁵. На курсах иностранных языков при внешнеторговом ведомстве руководил группой преподавателей дальневосточных языков и вел занятия по китайскому и монгольскому языкам Б.К. Пашков. В 1944 г. на историческом факультете Московского государственного университета открылось Отделение Востока, среди первых студентов-китаистов «вернувшегося» МГУ был В.А. Кривцов. Во время войны в заочной аспирантуре Тихоокеанского института АН СССР учился

С.Л. Тихвинский, который вспоминает: «Институт тогда возглавлял доктор исторических наук, историк-японец, впоследствии академик, Е.М. Жуков. В институте сотрудничали известные востоковеды Г.Н. Войтинский, А.Л. Гальперин, В.М. Масленников, А.Ф. Миллер, К.М. Попов, А.С. Перевертайло, Х.Т. Эйдус, Г.Б. Эренбург и др.»³⁶. В 1943 г. в аспирантуру МИВ к В.М. Алексееву поступила Л.Д. Позднеева.

В годы Великой Отечественной войны не прерывалась защита диссертаций на соискание ученых степеней. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Народное хозяйство современного Китая» научный сотрудник Тихоокеанского института А.С. Перевертайло. В следующем году защитил кандидатскую диссертацию ученик В.М. Алексеева Л.З. Эйдлин. Большой общественный резонанс в сообществе советских востоковедов получила история с защитой диссертации Н.Т. Федоренко. Китаевед перед войной учился в аспирантуре у В.М. Алексеева, но, работая в Пекине, он сменил тему диссертации и весной 1943 г. привез работу В.М. Алексееву в Боровое. В апреле 1943 г. академик жаловался: «Сему виной Федоренко, который со своей диссертацией сидел над моей душой, торопил и нервничал... при «наличии» у меня книг и пособий, равному нулю, я не в силах вообще, эту работу контролировать, а тем более в «докторском» разрезе... бумага от КВШ позволяет Федоренко обойти «в виде исключения» кандидатскую диссертацию и приступить прямо к докторской... Диссертация оказалась непригодной, особенно для доктора... Я сделал ему на 166 стр., наверное, до 500 замечаний и, не приняв, ограничился суммарным отзывом без вывода...»³⁷. Несмотря на критику, нередкую в отношениях между научным руководителем и аспирантом, Н.Т. Федоренко сделал невероятное. А.Н. Хохлов пишет: «Н.Т. Федоренко, благодаря тесным контактам с китайскими писателями, сумел собрать по их советам оригинальный материал для своей диссертации, избрав под влиянием бесед с Го Мо-жо новую тему, посвященную жизни и творчеству известного китайского поэта Цюй Юаня. Приехав из Китая в Москву в 1943 г., он блестяще защитил диссертацию о творчестве Цюй Юаня, за что был, вопреки традиции, сразу удостоен ученой степени доктора филологических наук. Столь неординарное событие в научной жизни тогдашней России... несколько озадачило его старших коллег, тем более что у молодого исследователя (в возрасте 31 года), как оказалось впоследствии, еще не было печатных публикаций по изучаемой им теме»³⁸. Защиту поддержали Н.И. Конрад и Н.В. Кюннер. Сам Н.Т. Федоренко в июне 1944 г. написал В.М. Алексееву: «Я был и навсегда останусь Вашим учеником, в глубокой и искренней благодарности которого у Вас нет оснований сомневаться»³⁹. В 1944–1945 гг. Н.Т. Федоренко подготовил к печати несколько научных работ, часть из которых были опубликованы в Китае, а работа «Эпоха и мир Цюй Юаня» осталась в машинописном варианте.

В годы войны написали свои диссертации еще несколько синологов. Будущий академик С.Л. Тихвинский вспоминает: «При содействии вдовы доктора Сунь Ятсена Сун Цинлин мне удалось собрать материалы о жизни и деятельности этого выдающегося китайского революционера-демократа, воспоминания его соратников, познакомиться с некоторыми ветеранами Гоминьдана. Большую помощь в сборе материалов по теме диссертации мне оказали также историки Го Можо и Хоу Вайлу... профессор Цао Цзинхуа... В Москве мне предстояло довести диссертацию до должной кондиции: обработать найденные в архивах материалы... внести ряд дополнений и уточнений, необходимые библиографические сведения, проверить сноски... Защита диссертации состоялась 30 июня 1945 г.»⁴⁰. В 1944 г. в Военном институте И.М. Ошанин подготовил кандидатскую диссертацию «Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма». 18 июля 1945 г. состоялась защита кандидатской диссертации Г.Б. Эренбурга на тему «Революционное движение в Китае в годы между первой и второй мировыми войнами».

На завершающем этапе Великой Отечественной войны власти и научная общественность активизировали работу по восстановлению и развитию советского китаеве-

дения. В начале 1943 г. бывший директор Тихоокеанского института Г.Н. Войтинский подал в Президиум АН записку о необходимости реорганизации востоковедения, объединения его научных сил в Москве. В конце 1943 г. была создана Московская группа ИВ АН. В декабре 1943 г. В.М. Алексеев написал о необходимости возобновления журнала «Восток», подчеркнув: «В настоящее время интерес к Востоку все возрастает, а со вступлением его после войны в общую семью народов, примкнувших к Атлантической хартии, чтение о Востоке, несомненно, войдет в общий порядок образования и особенно самообразования»⁴¹.

Еще до окончания блокады Ленинграда, уже в 1943 г., был поставлен вопрос о восстановлении кафедры китаеведения в Ленинградском университете. 6 марта 1944 г. В.М. Алексеев получил телеграмму от ректора Ленинградского университета с предложением возглавить кафедру. Сначала академик отказался, вспомнив свое скандальное увольнение в 1938 г. Но в июне 1944 г. В.М. Алексеев писал: «Сегодня составил проект состава китайской кафедры в востфаке: я, Штейн, Эйдлин, Смыкалов, Думан, Петров, Монзелер, Кочетова (из Эрмитажа)...»⁴². Вскоре преподаватели и ученые стали возвращаться из эвакуации, 30 августа 1944 г. вернулся в Ленинград и В.М. Алексеев. В «Журнале текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР» было 6 сентября 1944 г. зафиксировано: «Академику В.М. Алексееву выдали все принадлежавшие ему лично и находившиеся на временном хранении в ИВ научные материалы (1 полутонна машина верхом)»⁴³. Вскоре помещение Института востоковедения было приведено в порядок и началась обычная планомерная работа его сотрудников. Например, 30 сентября 1944 г. состоялось заседание сотрудников института, на котором В.М. Алексеев сделал доклад «Китайская поэма “Море” и отчет ее перевода». В январе 1945 г. в там состоялось научное заседание с обсуждением доклада В.М. Штейна «Предварительные итоги работы над Гуань-цзы».

В 1944 г. был восстановлен Восточный факультет Ленинградского государственного университета. В.М. Алексеев возглавил вновь образованную там кафедру китайской филологии. Лекционный курс по новой и новейшей истории стран Дальнего Востока в университете вновь взял Н.В. Кюннер.

В конечном итоге, на завершающем этапе Великой Отечественной войны, в 1944–1945 гг. научная и учебная работа советских китаеведов стала входить в нормальное русло. Постепенно в Москве и Ленинграде проводились различные реформы и преобразования. Государство уделяло большое внимание научным учреждениям и вузам, но большие потери первых лет войны и невозможность демобилизации всех ученых заметно тормозили восстановление советского китаеведения.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелым испытанием для советского китаеведения. Около трети сотрудников Института востоковедения АН СССР погибли, надолго были остановлены исследования по ряду направлений, утрачены некоторые архивы и книжные коллекции. Однако советские синологи не прерывали своих исследований ни в блокадном Ленинграде, ни в эвакуации, ни на военной или дипломатической службе. Во время войны продолжалось преподавание китайского языка, подготовка специалистов по Китаю, синологи писали и защищали диссертации. В эти годы для синологов даже закупались в Китае редкие книги и новейшие издания. В СССР переводились и издавались произведения китайской литературы. К концу Великой Отечественной войны не только была полностью восстановлена, но и получила развитие деятельность университетов и академических институтов в Москве и Ленинграде в части китаеведения. Подтверждением особого отношения руководства Советского Союза к науке, признанием ее вклада в дело Победы советского народа в войне стали массовые торжества по случаю юбилея отечественной Академии наук. И дата была выбрана не круглая — «220-летие Академии наук СССР», но в информационном поле Советского Союза в начале лета 1945 г. это было главное событие страны. В течение нескольких дней материалы

о советской академической науке занимали большую часть полос советских газет. В числе награжденных был академик В.М. Алексеев, получивший за свой труд орден Ленина. Большинство советских китаеведов были награждены государственными наградами, в том числе и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1. Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке, 1899–1937 гг. Документы и материалы. Владивосток, 2000. С. 122.
2. Хохлов А.Н. Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 2. М., 2012. С. 94.
- ³ Архив востоковедов института восточных рукописей Российской Академии наук (АВ ИВР РАН). Ф. 152, оп. 3, д. 340, л. 15.
4. Памяти ученого: Михаил Филиппович Юрьев (1918–1990) // Пробл. Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 239.
5. Из эпистолярного наследия академика В.М. Алексеева // Восток – Россия – Запад: Истор. и культуролог. исслед. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 365.
6. Капустин С.З. На лекции проф. Г.С. Кара-Мурзы в городе Чойболсан // Летопись войны. Воспоминания, дневники, письма историков МГУ — участников Великой отечественной войны. М., 2012.
7. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 234.
8. Дьяконова Н.В. Казин Всеволод Николаевич (1907–1942) // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2011. С. 189.
9. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 220–221.
10. Там же. С. 209.
11. Полянская О.Н. Советское востоковедение в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Бурят. ун-та. 2010. № 7. С. 28.
12. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. — М., 2011. С. 6.
13. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 338.
14. Мелнакснис А.И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К.А. Скачкова. М., 1974. С. 16.
15. Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб., 2005. С. 164.
16. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 213–214.
17. Кобзев А.И. Первые русские переводы Ван Ян-мина и В.М. Алексеев // Архив рос. китаистики / Сост. А.И. Кобзев. М., 2013. Т. 2. С. 213.
18. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 297–298.
19. Харбсмайер К. Василий Михайлович Алексеев и российское китаеведение // Архив рос. китаистики / Сост. А.И. Кобзев. М., 2013. С. 508.
20. Маракуев А.В. Иньфу-цзин. Страничка из истории китайской философии (Доклад, прочитанный на кафедре древней истории Томского университета 12-го января 1945 г.) // Учен. зап. Томского государственного педагогического института. Т.3. (Сер. гуманитарных наук). Томск, 1946. С. 132.
21. Томский Государственный педагогический институт в годы ВОВ (1941–1945): Сб. докум. и материалов. Томск, 2007. С. 115.
22. Музей истории Томского государственного университета. Ф. А.В. Маракуева.
23. Хохлов А.Н. Китаист А.В. Маракуев: экономист, географ или филолог? // Россия и народы Востока: Пробл. исслед. и преподавания истории стран Азии и Африки в высших учеб. заведениях. Иркутск, 1993. С. 88.

24. Вопросы истории стран Азии. М., 1965. С. 92.
25. *Маракуев А.В.* Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: Сб. материалов и исслед. по археологии Томск. обл. / Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98. С. 167–174.
26. *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // Слово об учителях: Моск. востоковеды 30–60-х годов. М., 1988. С. 91–94.
27. *Барышников В.Н., Мировицкая Р.А.* Учитель нравственности и жизни // Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН). М., 2006. С. 43.
28. *Хохлов А.Н.* Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 2. М., 2012. С. 96.
29. Там же. С. 98.
30. *Тихвинский С.Л.* Мой путь в востоковедение // *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006. Кн. 5. С. 186–187.
31. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. 3. С. 303.
32. Музей истории Томского государственного университета. Ф. А.В. Маракуева.
33. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 184.
34. *Исаенко Б., Ма Линь, Вишнякова В., Сафронов В.* Военная хрестоматия по китайскому языку для 2-го года обучения. М., 1942.
35. Русский указатель к краткому китайско-русскому словарю В.С. Колоколова / Под ред. *П. Жаркова*. М., 1942.
36. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 179.
37. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III. — М., 2004. С. 284–285.
38. *Хохлов А.Н.* Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 2. М., 2012. С. 87.
39. Там же. С. 96.
40. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 199–200.
41. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. 3. С. 320.
42. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. 3. С. 338.
43. Болдырев А.Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. Предисловие и публикация *И.К. Павловой* // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. *И.Ф. Попова*. М., 2011. С. 24.